

А ВОЙНА ДЛИЛАСЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА...

До войны основной тягловой силой в хозяйстве была лошадь. Единственным транспортом практически были телега и сани. Отец мой сизмальства работал коновозчиком. Первые годы - на хозяина и владельца лавки, потом в организациях.

География поездок была обширна. В рассказах и воспоминаниях его упоминались Юмень, Тобольск, Омск, Кур, Пермь. Конечно, и знакомых, и знающих его на таких дальних дорогах у него было много. Конечно, печальные и неожиданные, продрогшие и промокшие гости бывали у нас иногда отовсюду. Что называется, со всех волостей. Тем более что жили мы на большой дороге, теперь это улица Орджоникидзе.

Ближние и дальние поездки и извозы, еда сухоматку, дожди и морозы, непосильные грузы и поклажи - все это сделало свое черное дело. Перед войной отец стал измочаленным и разбитым инвалидом.

Мама работала в больнице простой санитаркой. Достаток в семье стал такой мизерный, что установить радио, выписать газету - на все это денег не было. Поэтому все, что творилось в стране, мире, доходило так: что сообщает в школе, на завалинке, на улице, в лавке. И о начале войны мы узнали тоже из слухов. С тех пор мы, как и все в стране, жили, вставали и ложились с думой об одном: как там, на фронте, как идут бои, где сейчас наши войска? У всех в стране на устах были только эти вопросы.

Конечно же, с первого дня

войны военкомат начал призыв соответствующих возрастов в действующую армию. Уходили знакомые, соседи, родственники. Но уходили они по одному, не очень заметно. Тем более что жили мы на окраине.

А однажды... В природе хозяйничал июль. Во дворах от-

бывали и точили косы. В семьях, державших скот, вовсю шла подготовка к покосу. И в эту страдную горячку к нашим воротам на двух ходках и одной телеге подъезжают три ватаги. Все явно навеселе. Котомки, мешки. Гармони! Что такое?

Оказывается, отцовы знакомые из Первомайки (тогда Грбово) и Черемши провожают сразу семерых односельчан на фронт. И перед явкой в военкомат устроили последний привал. Лошадей распрягли, поставили к корму. А во дворе, прямо на крыльце развернули стол с яствами - картошкой, капустой, луком, конечно, самогонем. Пили прощальную, расстанную, горькую. Кто мог сказать, доведется ли еще когда-нибудь чокнуться и выпить за встречу? Да и вообще удачи ли увидятся? Может быть, кому-то судьба уже выписала черную карту, смертельный билет?

Попили, понели грустную, отвальную. И хотя не обошлось без объятий задушевных, без слезоторных и безутешных - все это малозначительно и гусько перед тем, что им, может быть, предстоит пережить и перенести.

И телеги двинулись к военкомату. Призванные попадут на пересыльный пункт, потом обмундирование, вооружение - и в огонь, в пламя войны. Провожаящие вернутся домой. Теперь им предстоит работать и за тех, кто сегодня уедет на запад.

И долго еще ехали и ехали войны и защитники, воители за землю русскую. Ехали из Билимбая, Битимки, Грбово,

Черемши, Бисерти, Кленовой. Конечно, так же ехали и по другим долам и всяем всей страны, из глубин и столиц, тихих деревень и городов шумных. И так же, наверное, где-то приостанавливались, задерживались, оглядывались на родную землю, на родину малую, на настоящее и утекшее прошлое. Исыкали силы, таяли города, примолкали деревни. И только, видимо, накануне больших драк призывы были большими. Так продолжалось почти до конца войны. Страна, истекая кровью, снаряжала и провожала лучших своих сыновей и дочерей на великое дело спасения.

В пятидесятых годах мне довелось работать в Черемше и Первомайке. И там я вочью встретился с далеким своим прошлым, не веря, что оно, это прошлое, будучи таким тяжелым, трудным, может быть, оттого и окажется таким близким, таким памятным.

Там я увидел запущенные, невзрачные памятнички-obelisks. Полустершиеся, но еще разбираемые для прочтения фамилии - имена сельчан, не вернувшихся с того далекого пожара. Что прежде всего бросается в глаза: почти все строчки несут одну фамилию - Шестаков. Инициалы разные, конечно, а фамилия одна. Кумовья, сватовья... Какой же громадный сколок отсечен войной от цветистой и многогранной друзья коренного костяка таких сел!

Со щемящим сердцем я разглядел к давно и хорошо знакомому черемшанину Василию Григорьевичу Шестакову: много ли односельчан осталось там, не пришло? Оказывается, из пекла войны вернулся домой только один из четверых ушедших! В каком состоянии - это дело уже другое. Остальные трое - там, смертью храбрых. Так пусть же будет полною, сверлой и благодарной наша память о славных, храбрых, беззаветных рыцарях - воинах-защитниках наших, и вернувшихся, и сложивших свои честные, доблестные жизни к алтарю нашей Великой Победы!

М. СТУЛИН.